

Президентский зал РАН 25 марта 2009 года

академик Г.В.Осипов

**Доклад на конференции, посвященной
120-летию со дня рождения Пителима Сорокина**

**ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН – УЧЕНЫЙ И
ЧЕЛОВЕК. МОИ ВСТРЕЧИ С П.СОРОКИНЫМ**

Питирим Александрович Сорокин – крупнейший мыслитель XX в., имя которого в социологии можно поставить в один ряд с именами Огюста Конта, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера, а в философии его труды по масштабности сопоставимы разве что с исследованиями Арнольда Тойнби. Питирим Александрович – социолог и философ, чье научное наследие выходит далеко за пределы его времени, оно носит во многом пророческий характер. И с течением времени глубина и справедливость его научных обобщений становится все более очевидной.

Прошедший через многие испытания – изгнанный из страны – Питирим Сорокин, тем не менее, навсегда сохранил любовь и преданность России, куда он мечтал вернуться до последнего дня жизни.

О Питириме Александровиче как социологе и философе написано много книг, брошюр, статей, в них много правды и неправды, много субъективного, нередко взаимоисключающих оценок. Помню, что в одной из книг мне встретился его портрет,

рассеченный надвое. Кто он, ставят вопрос составители этой книги – социолог или философ? Однозначного ответа они не дают. Поскольку Питирим Александрович и блестящий социолог, и философ, далеко опередивший свое время. И вновь читая его труды, мы убеждаемся в научном характере его социальных прогнозов, его пророческих оценок о грядущих судьбах мира. Обо всем этом будет еще много написано, его труды будут переиздаваться вновь и вновь.

Яркая научная, политическая и общественная деятельность Питирима Александровича описана им самим в книге «Долгий путь» в жанре автобиографического романа. Эта книга, только в 1991 г. опубликованная в России, не что иное, как социологический самоанализ биографии, личной истории на фоне трагической истории страны и анализ трансформации собственного мировоззрения, основанный на постулатах его поздней концепции «созидательного альтруизма». Многие страницы этой книги не только по характеру описываемых событий, но и по силе эмоционального воздействия перекликаются с «Окаянными днями» И.А.Бунина.

В своем выступлении я не ставлю задачу дать анализ научного творчества Питирима Сорокина – сегодня на конференции будут представлены доклады, раскрывающие самые различные аспекты идейного наследия Питирима Александровича. Я ограничусь только тем впечатлением, которое произвели на меня встречи с этим замечательным человеком.

Личное знакомство с Питиримом Александровичем Сорокиным у меня состоялось в Вашингтоне в 1962 году на V Всемирном Конгрессе социологической ассоциации (**см. фото 1**).

Текст сорокинского доклада «Тезисы о роли исторического метода в социальных науках» был опубликован в «Трудах Конгресса» еще до его начала, и я смог с ним познакомиться. И вот представьте мое изумление и радость, когда в перерыве пленарного заседания Конгресса ко мне, сидящему в первом ряду вместе с советской делегацией подошел высокий, стройный, элегантно одетый человек и представился: «Я Питирим Сорокин. Может быть, Вы меня заочно знаете. Почему-то ваши ученые избегают встреч со мной, а мне хотелось бы встретиться и поговорить с кем-нибудь, кто приехал сюда из Советского Союза».

Сейчас молодежи уже, вероятно, нужно объяснять, что в то время советским гражданам было вообще строжайше запрещено по собственной инициативе вступать в контакт с иностранцами. Без разрешения руководителя делегации нельзя было один на один разговаривать с зарубежными участниками конгресса, дозволялось говорить только в присутствии третьих лиц. И тем более с таким, как Питирим Сорокин – человеком, приговоренным в России к смертной казни. Причем, дисциплина в нашей делегации была железной.

На свой страх и риск я ответил, что рад этому знакомству.

Питирим Александрович отметил, что *впервые* среди зарубежных делегаций он видит советских социологов, что заинтересован во встрече с нами. Он стал делиться впечатлениями о выступлениях на Конгрессе, очень хорошо отозвался о только что

закончившем доклад Б.Ц.Урланисе, который говорил конкретно, приводил многочисленные статистические данные. Сорокин сказал, что Урланис даже тех, кто предвзято относился к России, заставил изменить свое мнение в лучшую сторону.

– Величие современного Советского Союза невозможно игнорировать, – продолжал он. Но почему многие ваши ученые изъясняются общими фразами, лозунгами, приводят много цитат, говорят о достоинствах марксизма-ленинизма, а не о людях, создавших невиданную в истории мощную страну, не говорят о социальных отношениях, которые повлияли на весь современный мир? О социологии не может быть и речи, пока ученые не будут анализировать конкретные социальные действия личностей и социальные последствия этих действий.

Я передал П.Сорокину текст своего доклада, и в это время к нам подошел заместитель директора Института философии АН СССР Александр Федорович Окулов. Я представил их друг другу. Совершенно неожиданно Питирим Александрович пригласил нас, меня и А.Ф.Окулова, к себе домой в гости. И уж совсем удивительно, что руководство делегации нашу поездку в гости к Питириму Сорокину не запретило.

После окончания конгресса, в аэропорту г.Бостона Питирим Александрович лично встретил нас и на своей машине (это был непривычный для советского глаза, длинный «Гудзон» с открытым верхом, которым он отменно управлял) Сорокин отвез нас в гостиницу, а вечером того же дня мы уже были в его доме, где в нашу честь был устроен прием или, вернее, по выражению Питирима Александровича, «встреча с цветом русской эмиграции» г. Бостона.

Сорокины жили в пригороде Бостона в Винчестере (штат Массачусетс) в трехэтажном особняке, расположенном на красивом пологом склоне величиной с полгектара, где Питирим Александрович разводил свой знаменитый сад с азалиями, за красоту которого он получал премии. В доме, очень уютном, на втором и третьем этажах находились два его кабинета, в которых он работал попеременно, в зависимости от освещения и настроения. Весь дом был оформлен в русском стиле. Особенно большое впечатление на меня произвела гостиная, где состоялся прием. Украшением гостиной были витражи с видами Кремля, храма Василия Блаженного и Санкт-Петербурга.

Питирим Александрович познакомил нас со своей женой Еленой – милой, очаровательной женщиной. Радужие Елены сразу же создало теплую, сердечную атмосферу.

Среди приглашенных были известные представители русской общины, живущие в Бостоне, которые, как сказал Сорокин, не имели прежде возможности встретиться с советскими людьми в неофициальной обстановке. Всего было около двенадцати человек. Хозяин дома представил нам всех присутствующих; ученых, юристов, врачей, рассказал об их трудах, о современных заслугах и о том, что во время войны эти люди, как и многие другие наши соотечественники в эмиграции, делали все возможное, чтобы помочь России: они работали в специально созданных Фондах, собирали средства в пользу раненых, комплектовали гуманитарную помощь.

Говоря о себе, обо всех присутствующих, он выразил огромное сожаление, что русские люди, не по своей воле оказавшиеся за рубежом, лишены связей со своей страной.

– И наша мечта, – продолжал он, – вернуться хотя бы перед

смертью в Россию. Другой Родины у нас нет и быть не может. Мы не враги, не оппоненты советской власти.

Когда беседа уже приняла неформальный характер, А.Ф.Окулов неожиданно спросил Сорокина: Питирим Александрович, скажите, правда ли, что Вы участвовали в подготовке покушения на В.И.Ленина?

Сорокин, вероятно, не ожидал такого вопроса и ответил очень туманно. Он сказал, что ему не хотелось бы об этом вспоминать, что нет людей, которые не совершали бы в своей жизни ошибок. Ответ был настолько же многозначительным, насколько уклончивым.

Вспоминая все это, я до сих пор сожалею, что не сумел тогда о многом расспросить подробнее, что многое так и не удалось узнать. Детали заговора, детали событий тех революционных дней, вероятно, уже не узнает никто.

Желая сменить тему, Сорокин заговорил Советском Союзе, о его колоссальных достижениях, о его влиянии на мир, об особенностях социально-экономического развития Советского Союза и США. «У нас очень много общего с вами», - сказал Сорокин. В доказательство этих слов он подарил нам свою брошюру **«Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип»**. *(Эта брошюра сейчас переведена и издана нашим институтом)*. Понятием «конвергенция» Сорокин обозначил необходимость соединения всего лучшего, что есть в СССР и США для блага обеих стран и блага всего человечества. Не противостоять, не навязывать друг другу своей воли, а действовать вместе, сообща, - таков был вывод Питирима Александровича, который сегодня звучит удивительно актуально.

Закончился ужин в доме Сорокина, можно сказать, трагикомически. С улицы неожиданно донеслись звуки выстрелов, за окнами гостиной вдруг стало светло как днем. А.Ф.Окулов вообразил, что происходит нечто ужасное, резко вскочил с места и со словами: «Это провокация, нам хотят устроить провокацию», – быстро, не прощаясь, пошел к выходу, сказав, что нам срочно надо возвращаться в гостиницу.

Как потом оказалось, это просто кто-то запускал осветительные ракеты или петарды. Вот так закончилась моя первая личная встреча с Питиримом Сорокиным.

В Москве меня не покидала мысль о том, что нужно во что бы то ни стало попытаться организовать приезд П.Сорокина в Советский Союз. В 1966 г. я обратился в отдел науки и вузов ЦК КПСС с обоснованием такого предложения. Мне пришлось описать также и нашу встречу в доме Сорокина и его мечту побывать на Родине. Большую роль в данном случае сыграла и аналогичное параллельное обращение в ЦК КПСС известного обозревателя газеты «Правда» Юрия Жукова.

Казалось, что препятствий со стороны «директивных органов» для приглашения в СССР Питирима Александровича уже практически не было. Оставалась последняя инстанция – Л.И.Брежнев. Прежде чем решить вопрос о приглашении, он запросил все документы, связанные с высылкой П.Сорокина из СССР. И на одном из этих документов была резолюция В.И.Ленина о том, что П.А.Сорокин в случае появления на территории СССР подлежит немедленному расстрелу.

– Вы что, – сказал Л.Брежнев, – хотите столкнуть меня с В.И.Лениным?! Его распоряжение я отменить не могу.

Попытки организовать приглашение П.Сорокина в СССР предпринимались и позже: в 1967 г. профессором В.А.Карпушиным (переписка которого с П.А.Сорокиным по проблемам философии истории не опубликована до сих пор); затем научным советом АН СССР по истории мировой культуры (академиком П.Ф.Юдиным).

Однако путь П.Сорокину на Родину оказался навсегда закрыт. В представлении партийных чиновников Сорокин всегда оставался безусловным врагом советской системы. Ему так и не удалось ни «сослужить службу российской науке», ни «посетить родину до своей кончины».

Вторая моя личная встреча с П.А.Сорокиным произошла через четыре года во Франции в г. Эвиане на VI Всемирном социологическом конгрессе в 1966 г.

На конгрессе бурно обсуждался вопрос о том, **какой наукой является социология: «эмпирической» или «теоретической»**. Произошло резкое размежевание участников дискуссий на «эмпириков» и «теоретиков». В определенной степени это размежевание объяснялось идеологическими мотивами. Марксисты, главным образом из Советского Союза, традиционно отождествляли социологию с истматом и считали ее наряду с диалектическим материализмом - частью философии как чисто теоретической науки. На Западе, напротив, активно начинали развиваться коммерческие эмпирические исследования.

Для меня было важно услышать мнение Питирима Сорокина по этому поводу. Оно было совершенно определенным.

– Социология, – говорил Питирим Александрович, – не может считаться наукой, если она занимается только сбором и обработкой эмпирических данных. Эмпирические данные нужны для верификации социологических теорий, концептуальных построений, теоретико-методологического объяснения прошлого, настоящего и, возможно, будущего человеческого сообщества. Истинный ученый не только занимается построением теоретических моделей, но, используя самый разнообразный социологический инструментарий, сам «проникает» в глубь социальной реальности, получая при этом факты, которые кроме него никто получить не в состоянии. Интерпретация чужих фактов никогда не даст ученому достаточную базу для серьезного научного исследований. В качестве примера он привел свой труд «Социальная и культурная динамика», а также работу Эмиля Дюркгейма «Самоубийство», с которой, как он считал, начинается подлинно научная социология.

Во время дискуссий обсуждался еще один, не менее важный вопрос, о **соотношении социологии и философии истории**. Может ли исследование в области философии истории носить доказательный характер? Вместо ответа Питирим Сорокин рассказал нам о том, как он и Арнольд Тойнби – параллельно, независимо друг от друга – приходили к одним и тем же выводам о характере социально-исторического процесса.

– С Тойнби мы встретились в Австрии в Зальцбурге, на Первом съезде Международного общества сравнительных исследований цивилизаций в 1961 г., – рассказывает П.Сорокин. (Сорокин был

избран первым президентом этого общества). – Мы были знакомы с работами друг друга, но личная встреча превзошла все ожидания. Случайно мой гостиничный номер и номер доктора Тойнби с супругой оказались рядом. Ежедневно мы завтракали, обедали и ужинали вместе. Так вот, об истинности и доказательности, – продолжал Сорокин. Мы с Тойнби работали параллельно над одними и теми же проблемами философии истории, проблемами цивилизаций, человеческой культуры, мы получали одни и те же результаты, приходили к сопоставимым выводам. В Зальцбурге мы проговорили буквально два дня и две ночи и пришли к полному духовному единению, к абсолютному совпадению наших взглядов. Вот вам: два человека живут на двух разных континентах, работают над одними и теми же проблемами и приходят к одним и тем же выводам. Это ли не есть доказательство истинности результатов наших с Арнольдом Тойнби исследований? Жаль только, что мы познакомились с ним слишком поздно, – заметил Питирим Сорокин.

Питирим Александрович Сорокин ушел из жизни в феврале 1968 года, более 40 лет назад. Но его личность остается для нас удивительно притягательной и далеко не полностью изученной. Свидетель и участник глобальных социальных катаклизмов начала XX века – войн, революций, голода и разрухи, – П.Сорокин выстроил теорию, проникнутую социальным оптимизмом. Он сохранил веру в будущее человечества на путях соединения знания и альтруизма.

Один из лучших представителей русской интеллигенции, стоявший у истоков российской социологии, первооткрыватель целых исследовательских направлений, сохранивший на всю жизнь

бескомпромиссность, достоинство и гордость, беззаветную преданность Родине и науке, пусть отчасти в типично русской подвижнической, «пророческо-мессианской» форме.

Известно, что «нет пророка в своем отечестве». В бытность свою на Родине Сорокин высказал несколько пророческих идей, (одна из них о том, что большевикам, в конце концов, собственными руками придется строить разрушенный ими капитализм) – и был изгнан. Непризнанный пророк в своем отечестве – он признается таковым в чужом. И только теперь завершается своеобразный цикл: мы начинаем возвращать на Родину его труды, его мысли, как и труды других отвергнутых пророков, интеллектуальные достижения которых обогатили науку, литературу, культуру всего мира. На этом поприще нам всем предстоит еще сделать очень и очень многое.

С конца 80-х годов в России стали переводиться на русский язык и издаваться основные научные труды П.Сорокина, регулярно проводятся международные конференции, ежегодные Сорокинские чтения, создан Международный институт П.Сорокина-Н.Кондратьева, учреждены Золотая и Серебряная медали имени Питирима Сорокина.

Что же касается меня, то, вспоминая произошедшее, я думаю о том, что часто мы не сразу можем оценить масштаб события, понять, что являемся свидетелями чего-то уникального и удивительного. Слишком поздно начинаешь понимать, что рядом был гений, что уже нельзя «прокрутить» события назад, чтобы расспросить, запомнить, запечатлеть. Многое, связанное с деятельностью Питирима Сорокина, вероятно, так и останется для нас не до конца раскрытым.

Благодарю Вас за внимание!